

© 1992 г. ШЕКА Ю.В.

**ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ И ИНТОНОЛОГИИ
В СИНХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Любые синтаксические отношения выражаются не только грамматическими показателями, но и интонацией. Особенно этот момент подчеркивается при изучении асиндетона и примыкания: "Объединение предложений в бессоюзное сочетание осуществляется посредством интонации" [1], при примыкании "зависимость подчиненного слова выражается лексически, порядком слов и интонацией" [2, с. 336]. Наряду с соответствующими грамматическими категориями интонация играет определяющую роль для различения предикативного и атрибутивного типов связи: "В нашей отечественной грамматической науке выдвинуты два общих характерных признака предложения в русском языке... — интонация сообщения и предикативность... Наличие обоих этих признаков для предложения обязательно" [3, с. 264].

Вместе с тем сказанные В.В. Виноградовым слова о том, что "взаимоотношение и взаимодействие этих признаков до настоящего времени остаются не вполне определенными" [3, с. 264], сохраняют свою актуальность и сейчас. Всеобщим молчаливым признанием пользуется полагание некоторого взаимно однозначного соответствия между выраженностью категорий предикативности и их интонационным оформлением, т.е. эксплицитно не обоснованное полагание симметрии между предикативностью и соответствующей интонологической структурой. Это постоянно проявляется в том, что исследователи предикативности сопровождают те или иные свои выводы словами "при соответствующей интонации". Но как быть, если интонация как раз не соответствует, противоречит формальной выраженности предикативных категорий, причем если это имеет не характер случайных речевых отклонений, а относится к одной из центральных особенностей целой сферы функционирования языка — например, разговорной речи?

Рассмотрим очень распространенный в турецкой разговорной речи пример инвертированного предложения (см. рис. 1). С точки зрения интонации данный пример является интономой, состоящей из двух мелодем, которые разделены двойной чертой, отмечающей одновременно и границу между ремой и темой (об интономе и мелодеме как интонологических единицах, соотносящихся с предложением и синтагмой соответственно, см. [4]). Основным структурным элементом мелодемы, оформляющей связь слов в словосочетании, является постоянство тактовой размерности (в первой мелодеме она равна $\frac{3}{4}$, а во второй — $\frac{1}{4}$) и темпа (в первой мелодеме длительность четвертной ноты равна 225 мс, а во второй — 152 мс), сбой которых на стыке мелодем или непосредственно вблизи этого стыка как в приведенном примере, и отмечает деление разговорного высказывания обычно на две синтагмы (интономы на две мелодемы) [5]. Мы видим, что часть высказывания *ben söktüm* интонационно оформляется посредством мелодемы, т.е. так же, как оформляются атрибутивные словосочетания, а связь инвертированного прямого дополнения с глаголом — посредством интономы, т.е. интонологической единицы, оформляющей предикативную связь. Таким образом, налицо типичный случай противоречия между

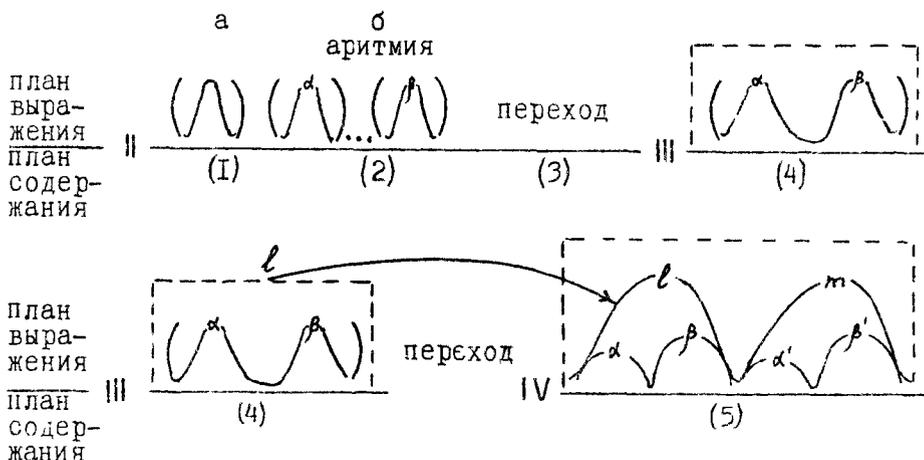

Рис. 2

Начинается с ||, так как имеется еще период | — ||, имеющий принципиальные особенности (см. в тексте статьи). Обозначения: (1) единичный элемент, (2) соположение, вызванное внешней ситуацией, (3) обобщенно-предикативное отношение, переходящее в связь, (4) обобщенно-сочинительная связь, пунктир — зарождение элемента следующего уровня, (5) аналогично тому, что представлено на предыдущем уровне || — |||, при этом модулированное сочетание пакетов α и β дает обобщенно-атрибутивную связь.

Рис. 2а

В данных схемах отражен ритмико-выделительный аналог понятий "синтаксической равноправности" и "синтаксической неравноправности", на которых основывается различие сочинения и подчинения [2, с. 451, 292].

согласные (для гармонического уровня) и на различного вида минимумы и паузы для уровней тактемы, мелодемы и интономы. Таким образом, можно сказать, что человеческая речь, с точки зрения интонации, является суперпозицией волн (вернее, относительно регулярных последовательностей волновых пакетов — в физическом смысле этого термина) различных уровней. Этот момент принципиально отмечается и для других языков. Так, Д. Болинджер образно сравнивает интонацию с "рябью на волнах на гребнях на приливе и отливе" [7].

В самом общем виде ритмический механизм, лежащий в основе интонационного выражения синтаксических связей, может быть описан с помощью схем (рис. 2 и 2а). Изображение-символ волны (волнового пакета), заключенное в скобки, означает многократное повторение: $\sim\sim\sim$. В первобытной речи, как и в речи лишь начинающих говорить детей, отдельное четкое произнесение элемента (слога или несложного слова) невозможно (= отсутствие членораздельной речи), поэтому на этой стадии элемент может иметь лишь форму неопределенно-кратного самоповтора: гуление (*lalala...* или *anne, anne...*). Однократный звук возможен, но он будет лишь случайно-хаотичным по своим артикуляторно-фонетическим характеристикам, что отражает предыдущую стадию

полного отсутствия речи. Данный момент отражает роль ритма как самой необходимой первоосновы языка. Основополагающая роль ритма проявляется еще и на другом уровне. Возникающее ритмически закрепленное соположение двух различных элементов обобщенно-сочинительного типа (рис. 2а, 2) также еще весьма нестабильно и может существовать лишь в форме самоповтора (ср. выше *anne, anne...*). Возникновение стабильной связи обобщенно-атрибутивного типа, а значит, и качественно определенных элементов, могущих существовать отдельно-однократно или рядом с прочими в речевой цепи (рис. 2а, 3), возможно исключительно лишь благодаря появлению ритма более высокого уровня. Это отражено на схеме рис. 2, стадия IV, наложением ритма для *l* и *m*. Это естественно и с чисто физической точки зрения, поскольку модулированное колебание может возникнуть лишь при наложении ритма более высокого уровня¹. Таким образом, развитие, а по сути и собственно становление интонологических, а вместе с ними и системно-языковых единиц осуществляется лишь параллельно с формированием ритмов более высоких уровней и прежде всего благодаря их формированию. Схема (рис. 3) получена путем разворота предыдущей схемы (рис. 2) в вертикальном направлении и отражает становление интонологических единиц в соотношении с этапами формирования ритмов более высоких уровней.

В связи со схемой (рис. 3) сделаем следующие замечания.

1. Все примеры иллюстрируют не полную (включая лексическую), а лишь интонационно-синтаксическую сторону вопроса, поэтому лексическое наполнение примеров является современным. Лексически примеры являются условными не только по форме (в затрагиваемые эпохи турецкого языка не существовало), но и по значению слов. Так, *kahvaltı* и *at* в примерах IV стадии как лексические единицы вряд ли возможны (в эпоху IV стадии лошадь еще не была домашним животным).

2. Примеры взяты из отражения турецкой разговорной речи в художественной литературе, поэтому часто требуется их интерпретационная корректировка (об этом см. также ниже), которая заключается прежде всего в снятии интонационного включения в контекст и чтении их с интонацией, указанной на схеме.

3. Пример к II стадии: *Ay, ay, ay! Dikkat etsene nasırıma bastın!* "Ой, ой! Будь внимательнее, ты мне наступил на мозоль!" [8, с. 35].

4. Поскольку на стадии III схемы фигурируют два однослоговых элемента, *şöyle* и *böyle* в оригинальном примере заменено на *şu* и *bu* (что при наших допущениях, указанных в замечании 1, несущественно, так как местоимениям *şu* и *bu* можно в данном случае просто приписать значение наречий). *Bir kız enseledim... Dün yoluma çıktı, dedi: böyle böyle... Dedim, iyi... Tak hemen sinema... Tak şöyle, tak böyle.* "Я тут девицу одну отхватил... Вчера повстречалась мне. Говорит, так мол и так... Я говорю: хорошо... Раз, и сразу в кино... Ну и пошло то и се" [9, с. 117].

5. Примеры к IV стадии: *Kahvaltı hazır, buyrun* "Завтрак готов, пожалуйста!" [10, с. 59]. *At bin!* употребляется в современном языке и означает: "По коням!". Интонационная интерпретация: *At.Bin.* Повтор *At* существенен для данной стадии из-за отсутствия ритма более высокого (интономного) уровня (такой повтор возможен и, очевидно, необходим и для примера с *kahvaltı*). В турецкой разговорной речи такие повторы весьма распространены: *Sirtına çifte çifte elbise yaptırđım, boyuna kiravat taktım, adam ettim adam.* "Я заказывал для него костюмы, повесил ему на шею галстук, сделал из него человека!" [9, с. 224].

6. Пример к стадии V: *Gözlere bak, tulum tulum* "Смотрите, какие (у нее) глаза! Все заплаканные!" [10, с. 7]. Показатели мн.ч. и дат.п. (присутствующие

¹ Имеется в виду наличие самой огибающей при суперпозиции, например, двух колебаний близкой частоты.

7. Возможна методика датировки указанных этапов, которая подлежит рассмотрению лишь в отдельной работе (готовится к печати): II — 8 млн, III — 2 млн, IV — 220 тыс., V — примерно 7—4,7 тыс., VI — примерно 1,5 тыс. лет назад.

Под предикативностью понимается "отнесенность высказываемого содержания к реальной действительности" посредством конкретизации "в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица", которые "придают предложению значение основного средства общения, превращая строительный материал языка в живую, действенную речь" [3, с. 267—268]. В данном виде, однако, понятие предикативности оказывается ограниченным 1) состоянием языка, имеющего категории модальности, времени и лица (на стадиях IV и предыдущих собственно предложения — мелодемного ритма — и собственно синтаксических категорий не существовало) и 2) преимущественно сферой письменной разновидности литературного языка. Это обстоятельство подводит к необходимости сформулировать категории обобщенной грамматики, отражающей суть всех этапов и состояний языка в диахронии, а также всех его разновидностей и стилей в синхронии. Между обобщенной грамматикой и грамматикой традиционной существует отношение общего и частного (так же, как, скажем, классическая физика является частным случаем физики релятивистской).

Отнесенность к реальной действительности выступает не как факт структуры (ср. выше: "строительный материал"), но как факт из области взаимопревращения структуры и коммуникации (превращения структуры "в живую, действенную речь"). Реальность — это прежде всего движение с его противоречием, а не системной противопоставленностью, с его мистерией бесконечного (вспомним апории Зенона), а не системной отграниченностью. "Связи между предметами будут отражаться в языке в виде связей между существительными, прилагательными, глаголами в высказывании. Это положение бесспорно" [12]. Но такое отражение не изоморфизм структур, а величайшее чудо (т.е. само есть движение), поскольку связи между предметами и связи между существительными — вещи принципиально несопоставимые. Поэтому определение обобщенно-предикативной связи как перехода (рис. 2а, 1) и тем самым ее принципиальная противопоставленность обобщенно-атрибутивной связи как факту уже всецело внутрисистемному представляется весьма важным. Обобщенно-атрибутивные связи отражают прошлый опыт человечества. Поэтому они, строго говоря, никогда адекватно не отражают связи между предметами и явлениями (реальными, т.е. в настоящем) — "Мысль изреченная есть ложь" [13, 14]. Предикация и есть центральный момент постоянного снятия этой мистерии отраженности-неотраженности, т.е. самой жизни и развития языка.

Обобщенно-предикативная связь как переход от соположения элементов, вызванного первоначально исключительно лишь особенностями изменяющейся реальности, к ритмической фиксации в виде еще слабой и содержащей момент нового, рематического обобщенно-сочинительной связи является категорией обобщенной грамматики, одинаково присущей любому этапу и состоянию языка. Обобщенной грамматике противостоит собственно грамматика, где зыбкость категории перехода существенно подкрепляется твердью соответствующих формальных показателей и конкретной картиной взаимоотношений во всей системе грамматических категорий. Но грамматик должно существовать шесть — для каждого уровня (рис. 3) своя — и все они различны (дают иной набор и другую картину соотношения категорий). Мы же имеем лишь одну — традиционную, которая по указанной причине (объективно) не осознает своих границ, а потому категорию предикативности твердью форм не подкрепляет, а заменяет. Для нее как грамматики VI уровня категории предикативности — это известные категории модальности, времени и лица. Но грамматики других стадий и, что интересно, собственно современной стадии (см. ниже) существенно отличны!

Все без исключения языковые единицы и стоящие за ними категории были в свое время (и являются сейчас в соответствующей той или иной сфере функционирования) модально-предикативными, так как возникли из обобщенно-предикативного отношения и его первоначальной фиксации в виде связи обобщенно-сочинительной (в виде обобщенного предложения).

Применительно к стадии II—III следует говорить о грамматике междометий, включающей категории вопросительности, утвердительности, звательности (прасубстантивности), побудительности (праглагольности) и пр. С одной стороны, все единицы этой стадии модальны, но, с другой, часть их при поддержке жеста могла выступать в номинативной функции междометных местоимений указательного и указательно-личного характера (ср. междометия, поддерживаемые кивком головы в сторону собеседника или жестом руки от легкого прикосновения до бияния себя в грудь в современной разговорной речи). Обобщенное предложение этой стадии имело вид соединения обобщенно-сочинительной связью модального и функционально номинативного междометий.

Стабилизация тактемы на стадии III—IV ознаменовала прежде всего возникновение местоимений, которые подразделялись на номинативные (указательного и личного характера) и модальные (вопросительные). Основанием для такого заключения служит то, что местоимения обозначают пустую номинацию: "эта вещь есть все что угодно" [15], т.е. близки к междометиям, номинацию не выражающим. Близко к пустой номинации, выступающей как синкретичное единство крайних полюсов определенности-неопределенности, стоят имена собственные, поэтому одновременно должен был идти процесс формирования действительных (вначале типа имен собственных) и лишь затем глагола (в виде обобщенного повелительного наклонения вне лица и числа). К такому заключению можно прийти, анализируя разговорную речь, где действительное или местоимение + междометие: *Hadi be sen de!* "Да брось ты!" [9, с. 152, 35], *Heeey, Andavalli!* "Эй, чудак!" [9, с. 35], возможно, но, скажем, *Hi* (в номинативной функции) *getir!*² — нет. Обобщенное предложение имело, таким образом, несколько видов, из которых в конце этапа присутствовало и сочетание субстантива с глаголом. Части речи были тождественны членам предложения.

Обобщенно-атрибутивный³ тип связи возникает с зарождением ритма более высокого уровня (рис. 2) и в этом смысле является сверткой обобщенно-сочинительной связи. В плане выражения благодаря объединению ритмом более высокого уровня обобщенно-атрибутивная связь обретает более высокую степень ритмической фиксации (стабильности). Элементы, соединенные этой связью, находятся вместе в силу особенностей самой языковой системы (выраженных прежде всего в ритме), но не в силу непосредственного отражения особенностей сиюминутной реальности. Поэтому в плане содержания свертка является интериоризацией реальных фактов (прошлого) в системе языка, где они хранятся в форме периодического воспроизведения (действия людей, воспроизводящих это прошлое, выступают как следствие активности субъектов, от которых исходит первый стимул — рекапитуляция социального опыта). Все категории языка — как грамматические, так и лексические, — не относящиеся на данном этапе к предикативным, представляют собой свертки предыдущих этапов, где эти категории выступали как предикативные.

Из понимания отмеченного типа грамматических категорий как сверток, а также из существования (и сосуществования в современном языке) многих грамматик следует принципиальная несостоятельность традиционного подхода к стилям и разновидностям языка как вариации норм: "Стилистическая функция... вытекает из возможности... варьирования одного и того же синтакси-

² Жест + *getir* возможно, но на месте жеста не бывает междометия.

³ По имеющейся в тюркологии традиции термин "атрибутивный" понимается здесь широко — не только определительные, но и объектные, обстоятельственные [16].

ческого значения" [17, с. 34]. В частности, с этих позиций невозможно решить и проблему "... взаимосвязи синтаксических и интонационных значений" [17, с. 34], которая была поставлена в начале статьи. Пример на рис. 1 нельзя интерпретировать как разговорно-стилистическую вариацию нормативной предикативной связи. В этом примере обнажен отголосок совершенно другой грамматики⁴ — V или V—VI стадии (вилка из-за наличия показателя вин.п.), когда собственно предложение и категории его членов находились в начальной стадии формирования, тождественно совпадая с компонентами актуального членения. В этой связи не удивительно, что традиционная грамматика (не осознавая своих границ) считает разговорную речь хаотичной и неорганизованной: «Если разговорная речь и имеет свои нормы... — то это такие нормы, которые складываются стихийно, ... разговорная речь, безусловно, противостоит всем функционально-речевым стилям уже в силу своей "неорганизованности"» [18]. В стилях и разновидностях языка разворачивается (обнажается) то, что традиционной грамматике известно лишь в качестве сверток. Поэтому различные формы разговорной речи отражают этапы становления языка [19]. Притом, если эти формы брать "в оригинале" (а не только через отражение в художественных произведениях — что, конечно, необходимо, но может требовать корректировки), то по ним можно изучать не только предшествующие состояния языка, но и саму предысторию, поскольку в разговорной речи "ситуация является полноправной составной частью акта коммуникации, она вливается в речь" [20].

Стадии I—II и VI—современность имеют принципиальные особенности. Формально образование слогового ритма, прослеживающееся на примере перехода от междометий типа *aaa!* (с колебанием голоса) [8, с. 7] через *ohoo!* (материализация ритмического спада в виде появления согласной) [8, с. 71] к типу *vauvauva!* [8, с. 76], также является возникновением модуляции непосредственно звуковых физических колебаний, которые (последние), однако, не соотносятся сами по себе с социальной сферой. Принципиальная особенность стадии I—II заключается в формировании первого социально значимого ритма. Одновременно должны были формироваться и все другие просодические параметры, которые, как известно, имеют и универсальные, и отличительные черты. Очевидно, в отличительных чертах скрыта первопричина дальнейших особенностей языковых семей, которые для алтайско-уральского праязыка выразились в наличии 1) гармонии гласных, 2) закона предшествования определения определяемому (последнее как особенность свертки, т.е. не для всех типов речи) [21, с. 113].

Гармония гласных является следствием, непосредственным современным проявлением того, что на стадиях возникновения и оформления тактемы (слова) — II—III и III—IV — элементы существовали в форме самоповтора (см. выше). При отсутствии достаточной дифференциации фонем относительная стабильность качества гласного неизбежно зависит от его воспроизведения в ряде соседних слогов. При этом имеется довольно широкая полоса вариативности реализаций дифференциальных признаков, которые обладают скорее вероятностными, чем точными характеристиками. Повторы элементов различных уровней и повторы с вариативными изменениями весьма распространены в современной разговорной, и в частности, турецкой речи. Они могут рассматриваться как рекапитуляции древних состояний. Аналогично отголоски древних состояний недифференцированности гласных отмечались в азербайджанских диалектах, что позволило Л. Йогансону ввести так называемую степень недифференцированности в эволюции лабиальной гармонии [22]. Действие закона гармонии гласных в словообразовании и словоизменении является, по сути, продолжением тех же закономерностей самоповтора, но уже на стадиях IV—V

⁴ Каждая грамматика разворачивается в своей речевой сфере, что не только не нарушает, но, наоборот, определяет единство языка.

и V—VI. При стяжении двух отдельных тактов в одну закон самоповтора проявляется как меньшая вероятностная устойчивость определенных дифференциальных признаков — например, ряда и лабиальности, что в конце концов и приводит к тем уподоблениям, которые мы наблюдаем в виде аффиксальных законов гармонии гласных

Универсальный характер II—III стадии выражается в том, что в различных языках "местоимения не располагают системой аффиксального словообразования" [23], которая начинает формироваться лишь на IV—V стадии. Особенностью же алтайско-уральского праязыка является формальная близость местоимений 1 и 2 лица ед. числа [21, с. 113], что гораздо показательнее любых других этимологических сопоставлений корней, поскольку последние образовались на более поздних стадиях. "Справедливо считается, что они (местоимения 1 и 2 лица. — *Щ Ю*) относятся к наиболее древнему пласту тюркской лексики и восходят если не к прототюркской, то во всяком случае к пратюркской эпохе" [24, с. 202]. Требование доказательности и взвешенности выводов (ср. оговорку "если не к прототюркской"), безусловно, оправданы. Вместе с тем сама методология доказательности нуждается в постоянном развитии. Если методологии реконструкции процессов, охватывающих десятки и сотни тысяч лет, ограничивать исключительно лишь теми подходами, которые сложились в традиционной исторической лингвистике, оперирующей сотнями и тысячами лет, то алтайская гипотеза никогда не будет рещена. В пользу того, что в данном случае можно говорить не только о прототюркской эпохе, но и об эпохе алтайско-уральского праязыка, свидетельствует мнение ряда ученых о самой возможности сохранения форм на протяжении многих десятков тысячелетий [25 с. 14], о том, что личные местоимения 1 и 2 лица сохранились, например, в каждой ветви америндской семьи спустя 14 тыс лет [25, с. 15], а также выводы Дж. Гринберга о двух типах конкретных маркеров личных местоимений 1 и 2 лица ед. числа в языках мира и возможности на этой основе выделить две глобальные языковые ветви [26]. Генетическое родство алтайско-уральских народов, сомнение в котором высказывал Й. Бенцинг [27], подтверждается дерматоглифическими данными, по которым киргизы, казахи, каракалпаки, манси, ханты, лопари, орочи, удэгейцы относятся к монголоидным популяциям [28]. Этногенез и языковое родство, конечно, являются отдельными вопросами, которые не следует смешивать. Вместе с тем правомерно "по крайней мере, теоретически сравнивать филогенетическое древо человеческого рода, основанное на лингвистических данных, с аналогичным построением на основе биологических данных" [25, с. 17].

Стадия VI — современность принципиально отличается от предыдущих тем, что на высшем уровне композицы (сверхфразового единства) происходит постепенный отход от ритмического принципа организации речи (письменность)⁵. Это означает переход к совершенно другой грамматике, поскольку письменность является не чем иным, как новым типом выражения синтаксических связей, не похожим на все предыдущие. Обобщенно-предикативная связь в современном языке есть нечто принципиально иное по сравнению с традиционно понимаемыми предикативными отношениями, которые уже давно образуют свертку и относятся к обобщенно-атрибутивным. Этот момент отражается, например, в рассмотрении отношения между подлежащим и сказуемым в турецком языке как разновидности атрибутивно-определятельной связи [29] или в "признаки текста в качестве высшего элемента коммуникации" [30]. Традиционная лингвистика по своей центральной проблеме предикации и коммуникации отражает не фактическое, современное состояние языка, а то, которое имело место на стадии V—VI, т.е. несколько тысячелетий назад.

Как уже отмечалось, обобщенно-предикативная связь есть переход от сопо-

⁵ Хотя небольшие по объему «письменности» имеют в своем составе элементы ритмической организации

ложения элементов, вызванного изменяющейся реальностью, к первой фиксации такого соположения обобщенно-сочинительной связью. Это имеет место и в грамматике письменности, где элементы, однако, уже не являются ритмическими. В исследованном тексте (см. приложение) ритм высшего уровня имеют мелодемы. Для первой фразы приблизительно изохронными могут считаться мелодемные динамические максимумы (двойная тактовая черта), приходящиеся на слова: *kurmay, ilişkiler, Lefkoşe'nin, Meriç, önemli, kurtarıldığını* (с переходом во вторую фразу) *deniz* с расстоянием соответственно (в с.): 2,74; 2,73; 3,42; 3,0; 3,14; 2,6 (имеющиеся отклонения вызваны колебаниями темпа). Другие (промежуточные) максимумы либо несколько сдвинуты, либо имеется синкопирование или, наоборот, дробление мелодемных тактов. Максимумы (интегральная интенсивность первого, ударного слога мелодемного такта в условиях единицах — см.) в целом близки к 40, хотя имеются и элементы модуляции (*deniz* в мелодеме 2.2 — 60, *Timbu* в 4.5 — 51 или в сторону уменьшения: *kurtarıldığını* в 1.8 — 19, *destekledikleri* в 2.6 — 19 и др.). Элементы ритма интонационного и композиционного уровня наблюдаются (должны быть рассмотрены отдельно), но все же основополагающим синтаксическим показателем становится сама письменная фиксация, а ритмическая организация на композиционном (текстовом) уровне уже оказывается невозможной. Если на любом другом уровне принципиальная аритмичность неизбежно означает случайно-хаотичный характер соположения, то для письменной фиксации (и текста, зачитываемого по бумаге) аритмия (переходящая в возможность передачи текста по частям с любыми временными интервалами, возможность отвлечься, вернуться повторно к предыдущему и пр.) вовсе не нарушает стабильности связей. Поэтому именно письменная фиксация и/или строго основывающееся на ней аритмичное соположение во времени выступает выразителем обобщенно-сочинительной связи и собственно предикативных отношений на современной стадии языка. Принципиально иным становится и характер свертывания, т.е. обобщенно-атрибутивной связи, которая в современном языке лежит в основе гиперэлементов (текстового уровня). Прежде всего это макроподлежащее и макросказуемое (или гиперподлежащее и гиперсказуемое).

Исследованный текст организуется вокруг двух гиперэлементов — макроподлежащего и макросказуемого, выделяется также фраза-ядро уровня интоны (предложения). Макроподлежащее имеет общеноминативный характер — передает точно и строго (со ссылкой на источник: мелодемы 1.1 и 1.2, а также интоныма 3) имевшие место события. Макроподлежащее строится на повторе (почти дословном): а) мелодемы 1.3—1.7 и 4.4—4.6, б) 2.2—2.6 и 5.1—5.2, в) 1.8 и 6.3—6.4. Макросказуемое имеет ярко выраженный общемодальный характер, связанный с резко отрицательной эмоциональной оценкой фактов прошлого. Оно охватывает мелодемы 6.1—6.2 и интонымы 7 и 8. Мелодемы в макросказуемом отличаются краткостью, как бы большей обособленностью, часто совпадая с такемой (словом): 6.1; 7.2; 7.3; 7.8 или имея вид, близкий к простому нераспространенному предложению: 8.2—8.5. Макроподлежащее и макросказуемое объединены аритмичной (основанной на письменной фиксации) обобщенно-сочинительной связью, при этом макроподлежащее предшествует макросказуемому. Текст завершается фразой-ядром (или связкой): 9, где в концентрированной и эмоционально-напряженной форме подчеркивается результат и суть произошедшего, фиксируется изменившееся положение вещей. Очевидно, что в дальнейших текстах, связанных с тематикой данного, обобщенная предикация будет иметь какую-то другую направленность, а то новое, что имеет общемодальную окраску в данном тексте, будет изложено в виде свертки. Свертывание (переход от обобщенно-сочинительной связи к связи обобщенно-атрибутивной) в современном языке сопряжен с заменой общемодальных (эмоциональных) начал на начала общеноминативные (строгая, рациональная передача информации). Важно подчеркнуть, что современный гиперэлемент, построенный на

Рис. 4

обобщенно-атрибутивной связи (свертке), является аналогом слова (макрословом), поскольку органично продолжает тот процесс, который намечен осью развития тактем на рис. 3. Внешняя же несхожесть (состоит из многих собственно слов, занимающих значительные промежутки речи) вызвана лишь отмеченными принципиальными отличиями современной формы выражения связи.

Традиционные предикативные связи оформлены в виде а) интонаемы распространенного полипредикативного предложения: 1 4, 5, 7, б) интонаемы простого предложения (с однородными членами): 8, и в) мелодемы: 3.3; 6.4; 9.2, и г) тактемы: 2.6, при этом последние случаи "в" и "г" аналогично примеру на рис. 1 иллюстрируют асимметрию между традиционными предикативными категориями и интонацией. Как и интонаемы (предложения) внутри макроподлежащего и макросказуемого, группы мелодем, образующие зоны подлежащего и сказуемого во фразах "а", соединены аритмичной обобщенно-атрибутивной связью (являющейся свертками, основывающимися на письменной фиксации). Так, последовательности мелодемных максимумов упомянутых зон, образуя по силе несколько относительно монотонных вершин, не могут служить ритмическому взаимному выделению или объединению этих участков как целостных элементов⁶. В интонаеме 8 каждому из четырех однородных сказуемых соответствует своя мелодема, и, хотя мелодема группы подлежащего двуударная (выделение дополнительным мелодемным максимумом слова *yüzlerce*), соединение традиционно-предикативных членов имеет явно обобщенно-атрибутивный вид (рис. 2а, 3): динамическая вершина на подлежащем — 41 и меньшие вершины на мелодеме каждого сказуемого — 31, 36, 30, 30. Соединение подлежащего и сказуемого в одной мелодеме ("в") и одной тактеме ("г") следует рассматривать как ритмическое свертывание высших порядков.

Во всех случаях интонаемного оформления ("а" и "б") подлежащее стоит в конце мелодемы, которая отделяется паузой. Можно сказать, что правило отделения паузой дистантного подлежащего в турецком языке [31] связано с его конечным положением в мелодеме. Этот момент обусловлен законом предшествования определения определяемому, который имеет основание в ритме. Обобщенно-атрибутивная связь имеет два варианта: рис. 2а, 3 слева и справа. В результате первого свертывания происходит ослабление выделенности как общеноминативного элемента, так и (при удлинении цепочек и росте смысловой нагрузки обобщенного контекста) общемодального. При соединении (стадия III—IV) таких общеноминативно-выделенных и общемодально-выделенных цепочек в обобщенном предложении происходит их прерывание по общеноминативной модели: ... *At, bin, At* или общемодальной: ... *Gel, yavrum, Gel*. Такое прерывание приводит в дальнейшем к тюркскому типу словесного ударения. Прерывание же первой цепочки на *bin*, а второй — на *yavrum* дает принципиальную схему зарождения ударения другого типа⁷. Свертывание второго порядка (стадия IV—V, собственно атрибутивная связь) дает рис. 4. Простейшая

⁶ Хотя следы ритмического выделения или объединения можно выявить в виде огибающей, если выбрать наиболее выдающиеся максимумы (косой чертой отделены зоны подлежащего и сказуемого): фраза 1 — 45, 41 / 46, 46, 50; фраза 4 — 43, 45 / 51, 41; фраза 5 — 44, 37, 24 / 38, 43, 28, 27; фраза 7 — 39, 44, 39, 38, 35 / 45, 42, 23. Если по указанным максимумам вычертить огибающую, то получатся линии с двумя (фразы 1, 5, 7) или с одной (фраза 4) вершинами.

⁷ Из сказанного не следует делать вывод о расхождении языковых семей на IV стадии, так как затрагиваемые различия касались сферы функционирования в речи (обобщенного контекста). Собственно акцентная система сложилась в результате сложных процессов дальнейшего многоступенчатого свертывания на каждой из последующих стадий.

интонаема имеет лишь две вершины, поэтому варианты в скобках невозможны (появление лишней вершины, отмеченное стрелкой)⁸. Что же касается нормативно-письменного порядка следования подлежащего и сказуемого, то на нем сказывается следствие прерывания по общемодальной модели.

Как уже отмечалось, связь зон подлежащего и сказуемого во фразах "а" опирается на письменную фиксацию, поэтому интонационное выражение этой связи ослаблено: имеется лишь пауза, а на само подлежащее в предложениях 1, 4, 5 мелодемное ударение не падает. Все связи более низкого уровня являются ритмическими обобщенно-атрибутивными. Дистантные субъекты, выраженные род.п., в 1.3 и 2.2 выделены паузой и мелодемными ударениями, приходящимися на показатель род.п. Дистантные элементы посессивного изафета в 1.8a (*Kıbrıs'ın... merkezi*), 1.8b (*Sevdarlı'nın kurtarıldığı*), как и контактные в 2.4; 1.4 (определяемая часть составляет одну тактему, см. ниже) объединены в одной мелодеме. В случае 1.8a связь дистантного определения с определяемым подчеркивается одинаковой размерностью ($\frac{5}{4}$, хотя в определяемом такт с этой размерностью начинается после аффикса принадлежности), а в случае 1.8b весь изафет объединен постоянством ритма ($\frac{1}{4}$) и темпа ($\downarrow = 100$, $\downarrow = 105$). В случаях 2.3 и 2.4 имеется разновидность ритмического объединения (соответственно $\frac{3}{4}$, $\frac{2}{4} + \frac{3}{4}$ и $\frac{2}{4} + \frac{3}{4} + \frac{3}{4}$). Изафет 1.4 совмещен с мелодемой и имеет постоянство темпа ($\downarrow = 108$, $\downarrow = 101$). Изафеты 3.2—3.3 (...*Şubesi'nin... açıklamaları*) и 5.1—5.2 (...*Kuvvetlerimiz'in... işbirliği*) объединены ритмически: в первом случае размерность $\frac{3}{4}$, во втором — сочетание размерностей $\frac{3}{4} + \frac{4}{4}$, $\frac{3}{4} + \frac{2}{4}$ ($\frac{2}{4}$ и $\frac{4}{4}$ кратны, т.е. минимально отличны). Один посессивный изафет — 6.1 — объединен в тактеме (*insafına* не имеет тактовой черты), что является примером свертывания более высокого порядка.

Одноаффиксные изафеты 2.2; 4.6 объединены размерностью и темпом. Изафеты 1.6; 1.7; 1.8 (*yerleşme merkezi*); 4.5b (*hava alanı*); 5.1 (*hava kuvvetleri*), а также сочетание ...*ilişkiler şubesi* в 1.2 и 3.2 объединены размерностью (в 1.2 — $\frac{5}{4}$, в 3.2 — $\frac{3}{4}$). Переходными к тактевному объединению являются случаи, когда начала тактов приходится на края словосочетания (которое оказывается почти в одном такте, т.е. объединяется размерностью и темпом); 1.7; 3.1; 4.5a (*Timbu ilçesi*); 4.5b; 6.3. Следующей ступенью свертывания словосочетания в тактему выступают одноаффиксные изафеты в 1.4; 2.4; 7.10, где определение (первый элемент) не имеет тактовой черты, которая оказывается смещенной на соседний элемент. Безаффиксный изафет в 8.1 объединен ритмом ($\frac{2}{4}$), в нем, как и в предыдущих трех случаях, ударение падает на определяемое. Ударное определяемое имеют также: *yakın işbirliği* (5.2), *askerî harekât* (5.2), *kendi olanak* (7.6) (ср. цифры над тактовой чертой). Однако модель рис. 4 отражает лишь простейшее состояние интонаемы и атрибутивного словосочетания. В сложной ритмике современной речи она обычно нарушается: во всех других посессивно-изафетных дистантных (2.3; 5.1), контактных (1.4; 2.4; 6.1), одноаффиксных изафетных (возможная большая ударность падежного окончания в определяемом не учитывалась) [1.1; 1.2 и 3.2; 1.5 и 4.5; 1.6 и 4.5; 1.7 и 4.6; 1.8 и 7.10 (*yerleşme merkezi*); 2.2 и 5.1; 2.3 (*kara birlikleri*); 3.1; 6.3 (*Türk sancağı*)] и содержащих прилагательное [1.8; 3.1 (*Genel... Başkanlığı*); 5.4; 5.5; 7.1 (*her olay*)] или причастие [5.3 (*yapılmış olan plan*); 6.2] словосочетаниях ударным является первый элемент. В случаях *geneî kurmay*, *genel sekreterlik* (1.1), *ileri harekât* (2.3) и *büyük bir başarı* (2.6) ударность близкая или равная. Ударность первого элемента

⁸ Для двусложного номинативного элемента аналогично — его первый слог будет сильнее последнего в определении: *Türk bolge..* (2.4). В интонаеме с двумя главноударными центрами (общемодальный в постпозиции) постпозиция обеих зависимых ритмических групп дала бы тип: *At bin Gel yavrut*, что невозможно (см. в тексте статьи). Если же одна группа в пре-, а другая в постпозиции, то нарушается изохронность главных ударений — стечение групп внутри или необходимость разрывающей интонаеме паузы (если обе группы снаружи). Таким образом, возможна лишь их пре-позиция.

свертки привела, очевидно, к особенностям ударения в именах собственных (ср. сильно ударные *Meriç, Timbu*) и, с другой стороны, указывает на возможность альтернативных путей формирования словесного ударения, словосочетаний и закономерностей порядка слов.

Аналогичны рассмотренным выше другие ритмические объединения определительных сочетаний — прилагательных (I) и причастий (II):

I. Ритм + темп: 1.1 (*Genel Kurmay*); 2.6 (*büyük bir başarı*); ритм: 1.8 (*önemli*); 3.3 (*konudaki*); 5.2 (*askerî*); 5.4 (*tam bir*). Возможно объединение общим ритмом с вставкой такта другой размерности: 3.1 (*genel.. liği*); 7.1 (*Kibrîstaki*). Интересен дистантный случай *Kibrîstaki* в 7.8, где имеется схожее сочетание размерностей ($\frac{2}{4} + \frac{3}{4}$, $\frac{2}{4} + \frac{2}{4} + \frac{3}{4}$); кратный ритм: 2.3 (*ileri harekâtî*); 5.5 (*her istikamet*).

II. Ритм: 1.8 (*olan*); 5.2 (...mekte olan); 5.3 (...muş olan).

I. Смещенность тактовых черт к краям сочетания: 1.1 (*genel sekreterliği*); 5.5 (*her istikamet*).

Объединение одной тактемой: I — 5.2 (*yakın*); 7.6 (*kendi*); II — 4.3; 5.3.

Слово *kendisi* соединяется с глаголом кратным ритмом (8.2; 8.4) и раздвижением такта (8.3).

Связь дополнения, оформленного падежом или послелогом, с глаголом (отглагольной формой) может оформляться кратной размерностью: 8.2; 2.6; одинаковой размерностью: 6.2; одинаковой размерностью с вставкой: 6.1; постоянством темпа: 7.7; тактемой связью: 8.5 (*korudu* не имеет ударения). Тактемой (совпавшей здесь с мелодемой) оформлено сочетание *yüzü aşkın* (7.9). Тактемой связью присоединяются союзы, частицы, местоимения, *bir*. При этом они могут как нести, так и не нести ударение.

ВЫВОДЫ

Случаи асимметрии между формальной и интонационной выраженностью синтаксических связей, имеющие распространение в сфере разговорной речи, приводят, с одной стороны, к проблеме выявления системы интонологических единиц, лежащих в основе собственно интонационного способа выражения связей, и, с другой, к проблеме границ применимости традиционных грамматических категорий, за пределами которых оказываются обнаженными более древние и качественно другие состояния языка.

В основе системы интонологических единиц лежит суперпозиция ритмов, важнейшими из которых выступают динамические максимумы гармонем, тактемы и мелодемы (соотносятся со слогами, словами и синтагмами соответственно). Выявление интонологических единиц как формальных показателей нового типа служит конкретной основой для выхода из сферы традиционных грамматических категорий и определения категорий обобщенной грамматики, охватывающей любые состояния, этапы эволюции и функциональные разновидности языка. Центральными представляются категории обобщенно-предикативной и обобщенно-атрибутивной связи. Первая возникает при переходе от ранее не соотносившихся друг с другом элементов к их первому взаимному соотношению в виде обобщенно-сочинительной связи равной выделенности. Равная интонационная выделенность по самой своей сути характеризуется отсутствием ритма более высокого уровня и потому на каждом этапе развития принадлежит к соответствующему наивысшему уровню эволюционирующей языковой системы. Сущность же предикации (ее "план содержания") заключается в снятии постоянно возникающего противоречия между сложившейся к данному времени системой языка и изменяющейся реальностью. Обобщенно-атрибутивная связь выступает как результат процесса свертывания, который заключается в том, что

⁹ В монгольском языке с законом предшествования определения определяемому сочетается иная словесно-акцентная система [32].

возникновение ритма следующего, более высокого уровня на уровне данных элементов проявляется в их неравной интонационной выделенности. Имеющаяся при этом интонационная подчиненность одного элемента другому приводит к качественно более высокой степени их скрепленности, единства. Обобщенно-атрибутивные связи, или свертки, являются формой интериоризации и хранения в системе языка социального опыта.

Формирование каждого последующего уровня ритма, а с ним и фундамента соответствующих интонологических и традиционно-языковых единиц сопряжено со свертыванием не только на непосредственно предыдущем, но и на всех лежащих ниже уровнях, что связано с понятием порядка свертывания (свертка первого, второго и т.д. порядка). Свертки высших порядков характеризуются дальнейшим качественным повышением единства и синтеза входящих в них элементов. Как интонологические, так и традиционно-языковые единицы во всей полноте их конкретно-формальных показателей являются не чем иным, как результатом процессов многопорядкового свертывания. За уровневой иерархией языковых единиц стоит шесть весьма продолжительных этапов языковой эволюции, на каждом из которых действовала своя система грамматических категорий, принципиально отличная от известных категорий традиционной грамматики.

Современный этап характеризуется тем, что на формирующемся высшем уровне композемы (текста) связь между макрокомпонентами организуется уже не на принципе речевого ритма, а на письменности, которая сама по себе выступает в качестве важнейшего показателя синтаксических связей. На более низких уровнях интономы (частично), мелодемы, тактемы и гармонемы ритмическая организация этих единиц играет, наряду с традиционными формальными показателями, определяющую роль в выражении синтаксических связей при устной реализации текстов письменной функциональной разновидности.

Как следует из проведенного анализа, "ритмико-слоговой" аспект отвечает не только "за удобство произнесения" [33; 24, с. 50] — интонология лежит в основе всех без исключения как фонологических (на рис. 3 лишь намечено), так и прочих системных закономерностей языка. "Формирование языковых семей происходило, по мнению большинства советских и зарубежных ученых, в эпоху разложения первобытного общества" [34]. Но в эту эпоху происходили процессы свертывания четвертого (для фонем), третьего (для слов), второго (для словосочетаний) и первого (для предложений) порядка, т.е. формировался лишь самый внешний, конкретно-поверхностный край айсберга праязыка, который целиком дан в системе сверток каждого современного языка и продолжает жить в виде функционально-стилевых рекапитуляций. "Мы лишены возможности набросать историческую картину становления речи на основе письменных памятников" [35]. Однако мы можем не только набросать, но и изучить ее на основе интонологии.

2380

21 40 18 17 17 15

3.2 Basın Yayın ve Halkla İlişkiler Şubesinin 3.3 bu konudaki

$\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$

$\text{♩}=190$ $\text{♩}=155$ $\text{♩}=77$ $\text{♩}=86$ $\text{♩}=170$ $\text{♩}=153$

2740 870 790

7 18 15 20 43 24 28 27

açıklamaları söyle. 4.I Rumlar tarafından 4.2 tahkim edilen

$\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$

$\text{♩}=100$ $\text{♩}=110$ $\text{♩}=100$ $\text{♩}=185$ $\text{♩}=160$

1580 1450 19

45 23 13 26 26

ve mayınlanan sahaları 4.4 temizleyerek geçen birliklerimiz

$\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$

$\text{♩}=117$ $\text{♩}=182$ $\text{♩}=160$ $\text{♩}=175$ $\text{♩}=203$ $\text{♩}=210$

1880 1150

51 26 24 24 41 30 27 19

4.5 Tımbu ilçesini ve hava alanını 4.6 Meriç bölgesini ele geçir-

$\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$

$\text{♩}=120$ $\text{♩}=123$ $\text{♩}=86$ $\text{♩}=78$ $\text{♩}=175$ $\text{♩}=170$ $\text{♩}=75$ $\text{♩}=85$

2100 1080 1770

21 41 44 18 20 37

mişlerdir. 5.I Kara Deniz ve Hava Kuvvetlerimizin

$\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$

$\text{♩}=160$ $\text{♩}=92$ $\text{♩}=86$ $\text{♩}=150$ $\text{♩}=142$

1750

29 25 22 20 24 15 20 26

5.2 yakın işbirliğiyle yürütülmekte olan askerî hareket 5.3 yapıl-

$\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$

$\text{♩}=110$ $\text{♩}=110$ $\text{♩}=62$ $\text{♩}=113$ $\text{♩}=156$ $\text{♩}=88$ $\text{♩}=165$ $\text{♩}=180$

1080 1160 1910

38 35 43 27 26 28 24 21

miş olan plana 5.4 tam bir intibakla 5.5 her istikamette uy -

$\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$

$\text{♩}=160$ $\text{♩}=120$ $\text{♩}=90$ $\text{♩}=153$ $\text{♩}=140$ $\text{♩}=122$ $\text{♩}=135$

4460 1970

20 27 39 42

gulanmakta 5.6 ve gelişmektedir. 6.I Yıllardır Rumların

$\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$

$\text{♩}=77$ $\text{♩}=153$ $\text{♩}=192$ $\text{♩}=192$

1100 2070

29 14 28 26 20 33 33

insafına bağlı olarak 6.2 kuşatılmış durumda yaşayan 6.3 Sev-

$\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$

$\text{♩}=170$ $\text{♩}=83$ $\text{♩}=117$ $\text{♩}=93$ $\text{♩}=92$ $\text{♩}=112$ $\text{♩}=112$

2420 13 36

47 47

darlı Türk sancağıyla 6.4 birliklerimiz birleşmiştir. 7.I Kıb-

$\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$ $\frac{2}{4}$

$\text{♩}=176$ $\text{♩}=162$ $\text{♩}=107$ $\text{♩}=153$ $\text{♩}=137$ $\text{♩}=137$ $\text{♩}=137$

1420 28 39 1750 43 31
 rıs'taki her olayda \square 7.2 yiyecekten \square 7.3 içecekten \square 7.4 il-
 $\text{J}=135 \quad \left\| \begin{array}{l} 3 \\ 8 \end{array} \right\| \left\| \begin{array}{l} 4 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=202 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \left\| \begin{array}{l} 4 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=225 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=235 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\|$

1260 740 780
 actan yoksun bırakılan \square 7.5 yokluklar içinde \square 7.6 kendi ola -
 $\text{J}=190 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=133 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \left\| \begin{array}{l} 4 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=142 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=127 \quad \left\| \begin{array}{l} 4 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=150 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=90$

2050 1150 1430
 naklarıyla \square 7.7 kendilerini savunan Sevdarlı \square 7.8 Kıbrıs'taki
 $\left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=103 \quad \text{J}=158 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=135 \quad \text{J}=136 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=243 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=220 \quad \left\| \begin{array}{l} 5 \\ 4 \end{array} \right\|$

980 2940
 \square 7.9 yüzü aşkın \square 7.10 gazi yerleşme merkezlerinden birisidir.
 $\text{J}=170 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=290 \quad \left\| \begin{array}{l} 4 \\ 4 \end{array} \right\| \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=175 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=150 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\|$

820 800 1600
 \square 8.1 Yüzlerce gazi keht \square 8.2 silahını kendisi yaptı \square
 $\left\| \begin{array}{l} 4 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=152 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=175 \quad \text{J}=235 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=110 \quad \left\| \begin{array}{l} 4 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=85 \quad \left\| \begin{array}{l} 6 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=210$

1900 2050
 8.3 mermisini kendisi yaptı \square 8.4 eğitimini kendisi yaptı \square
 $\left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \left\| \begin{array}{l} 4 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=137 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=150 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=110 \quad \left\| \begin{array}{l} 4 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=82 \quad \left\| \begin{array}{l} 6 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=193$

1200 3080
 8.5 varlığını ve Türklüğünü korudu. \square 9.1 Şimdi Sevdarlı'da \square
 $\left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=140 \quad \left\| \begin{array}{l} 10 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=120 \quad \left\| \begin{array}{l} 4 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=150 \quad \left\| \begin{array}{l} 4 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=142$

28 13 11 $\left\| \begin{array}{l} 12 \\ 4 \end{array} \right\|$
 9.2 Mehmetler \square hasretle kucaklaşıyorlar
 $\left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=253 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=120 \quad \left\| \begin{array}{l} 2 \\ 4 \end{array} \right\| \quad \text{J}=160$

1. Отдел прессы, изданий и отношений с населением Аппарата главного секретаря Генерального штаба сообщил, что наши войска захватили волость Тимбу, находящуюся на юго-востоке от Никозии, аэродром и район Мерич и что освобождено Севдарлы, являющееся одним из важных населенных пунктов Кипра. 2. В сообщении указывается, что военно-морские и военно-воздушные силы постоянно и с большим успехом поддерживали продвижение наших сухопутных сил и оборону окруженных турецких районов. 3. Соответствующие сообщения Отдела прессы, изданий и отношений с населением Аппарата председателя Генерального штаба следующие. 4. Наши войска, которые продвигались, очищая укрепленные и заминированные греками районы, захватили волость и аэродром Тимбу, район Мерич. 5. Боевые операции, проходящие при тесном взаимодействии наших сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, осуществляются в полном соответствии с имеющимся планом и развиваются по всем направлениям.

6. Наши подразделения воссоединились с турецким санджаком Севдарлы, который долгие годы был отдан на милость грекам и жил в их окружении. 7. Севдарлы, который при всех событиях на Кипре оставался без продуктов, водоснабжения и лекарств и который в условиях нехватки защищал себя своими силами, является одним из свыше ста героических населенных пунктов Кипра. 8. Сотни героических городов сами изготовляли оружие, сами готовили боеприпасы, сами обучались его использованию; они обеспечили свое существование и сохранили свою турецкую принадлежность. 9. Сейчас в Севдарлы Мехмеды с тоской обнимают друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская грамматика. Т. 2. М., 1982. С. 634.
2. Розенталь Д.А., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
3. Виноградов В.В. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
4. Шека Ю.В. Гармонема и тактема как интонологические единицы и их особенности в турецкой разговорной речи // ВЯ. 1989. № 5.
5. Шека Ю.В. Роль речевого ритма в актуальном членении турецкой разговорной фразы // Вестн. МГУ. Востоковедение. 1987. № 4. С. 71.
6. Шека Ю.В. Паузация предложения и сверхфразового единства при устной реализации письменной функциональной разновидности турецкого литературного языка // СТ. 1991. № 4.
7. Bolinger D. Around the edge of language: intonation // Intonation. Selected readings / Ed. by Bolinger D. Harmondsworth, Midd'x, 1972. P. 19.
8. Ихмалян Ж.Г. Междометия и междометные выражения в турецком языке. М., 1977.
9. Kemal O. Devletkuşu. Istanbul, 1958.
10. Kemal O. Arkadaş ışıkları. Ankara, 1972.
11. Шека Ю.В. Связь текста посредством нулевого члена в турецкой разговорной речи // СТ. 1988. № 2. С. 36.
12. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 131—132.
13. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Л., 1953. С. 127.
14. Библер В.С. Идея культуры в работах Бахтина // Одиссей. М., 1989. С. 32.
15. Гегель Г. Феноменология духа. СПб., 1913. С. 49.
16. Баскаков А.Н. Теоретическая грамматика турецкого языка. М., 1983. С. 104.
17. Иванов-Лукьянова Г.И. Суперсегментная фонетика в функционально-стилистическом аспекте // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989. С. 34.
18. Шмелев Д.Н. Функционально-стилистическая дифференциация языковых средств // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989. С. 16.
19. Шека Ю.В. Принципы истории языка. Тюркология-88: Тез. докл. и сообщ. V Всесоюзной тюркологической конференции (7—9 сентября 1988 г.). Фрунзе, 1988. С. 75.
20. Земская Е.А. Разговорная речь и функциональные стили кодифицированного литературного языка. М., 1973. С. 19.
21. Aksan D. Her yönüyle dil. С. 1. Ankara, 1979. S. 113.
22. Johanson L. Linguistische Beiträge zur Turkologie. Вр., 1991. S. 33.
23. Ермакова О.П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989. С. 153.
24. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
25. Рулен М. Происхождение языка: ретроспектива и перспектива // ВЯ. 1991. № 1.
26. Greenberg J.H. Language in the Americas. Stanford, 1987. P. 55.
27. Benzing J. Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Türkologie. Wiesbaden, 1953. S. 3.
28. Хитъ Г.Л., Долинова Н.А. Расовая дифференциация человечества. М., 1990. С. 34—35, 195, 197.
29. Дмитриев Н.К. Турецкий язык. М., 1960. С. 70.
30. Анисимова Е.Е. Коммуникативно-прагматические нормы // ФН. 1988. № 6. С. 64.
31. Gençan T.N. Dil bigisi. Ankara, 1979. S. 564, 565.
32. Poppe N. Khalkha-mongolische Grammatik. Wiesbaden, 1951. S. 19, 98.
33. Барулин А.Н. Некоторые теоретические проблемы словоизменения турецкого существительного // Проблемы языков Азии и Африки (Фонетика, морфология, синтаксис, семантика). М., 1979. С. 20.
34. Редер Д.Г., Черкасова Е.А. История древнего мира. Ч. I. М., 1985. С. 36.
35. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 56.